

Я сидела на остановке. Солнце еще не село, но его лучи уже провалились сквозь горизонт. Я не ждала автобус, я не ждала маршрутку. Просто сидела и смотрела на проходящих мимо людей, смотрела, как уходит лето. Я не заметила, когда именно он подсел ко мне, просто в какой-то момент поняла, что я не одна. Я старалась незаметно рассмотреть его боковым зрением, но у меня неважно получалось. Немного выше меня, темно-русые волосы, ярко-желтая футболка – вот все, что я успела отметить, прежде чем он повернулся в мою сторону.

– Лето уходит, – спокойно сказал он и засвистел какой-то простой знакомый мотив.

– Что это? – осторожно спросила я.

– Так, одна песенка, ты не знаешь, – меня удивило, как он спокойно перешел на «ты». Он совершенно не нервничал, вел себя так, словно мы сто лет знакомы.

– Знаю, мотив знакомый.

– Ну, так назови ее, если знаешь, – он будто хотел выставить меня дурочкой, этот незнакомый человек. Мне стало неловко.

– Я не знаю названия, иначе не стала бы спрашивать. Сказала же, что просто мотив знакомый.

– Просто-просто, – передразнил он меня, – просто ничего не бывает.

Мы молчали, я надулась. Не знаю, почему, но я почувствовала себя обманутой. Мне очень хотелось, чтобы он ушел, но, похоже, он не собирался этого делать. Он насвистывал свою ненавистную песенку и качал в такт левой ногой.

– Вы разве не ждете автобус? – с вызовом спросила я. Он отрицательно помотал головой. – Тогда что же вы тут сидите? – в моем голосе проскользнули нервные нотки. Как же мне хотелось от него избавиться!

Он усмехнулся.

– Ты ведь тоже не ждешь автобус, а сидишь тут. Значит, тебе можно, а мне почему-то нельзя?

Я вспыхнула, как спичка, а он рассмеялся. У него был хороший звонкий смех. В другой ситуации я бы сказала, что он был приятный, но сейчас он показался мне вульгарным.

– Вы не могли бы уйти, раз вы не ждете автобус? Я первая сюда пришла, это мое место, моя остановка, я хочу быть здесь одна! – я понимала, что похожа на истеричку, нет, я была самой настоящей истеричкой, но остановиться я уже не могла.

Он вдруг стал серьезным, как-то затих, мне даже стало немного не по себе без его насвистывания. Вдруг он резко встал со скамейки и близко-близко подошел ко мне. Он оперся своими ладонями о мои колени, я инстинктивно отдернулась назад. Не могу сказать, что я испугалась. Просто это было неожиданно. Неожиданно и странно. Он долго-долго смотрел мне прямо в глаза. Какой у него серьезный и печальный взгляд.

– Ты что, влюбилась? – вдруг спросил он.

– Что? В кого? Нет, конечно, – я совсем запуталась.

– Врешь!

– Да не вру я. Сказала же, что нет!

– Ну-ну, так я тебе и поверил! Ты и про песню говорила, что знаешь, а сама не знаешь. Дурочка, – он убрал свои руки с моих колен и отошел от меня на полметра. Я не смела поднять глаз.

– Уходите, – буркнула я.

– Ладно, я уйду. Жалеть не будешь, что прогнала? – спросил он.

– Еще чего! – ответила я, все так же вперившись глазами в асфальт.

– Опять соврала. Пожалеешь, – и он резко вбежал в только что подъехавший автобус. Я подняла голову, и увидела, как он улыбается и машет мне рукой в окне, этот парень в желтой футболке.

Солнце село. Поднялся противный ветер. Я только начала снова наслаждаться своим одиночеством, как ко мне подошла высокая и очень худая женщина лет тридцати пяти в длинной красной юбке с огромной клетчатой сумкой.

– Подвинься! – приказным тоном сказала она.

– Вы в своем уме?! Вся скамейка свободная, садитесь, где вашей душе угодно. Вот надо же! Что за день, то один, то второй, – я чувствовала, что начинаю бунчать, как старая бабка, но меня несло и несло, – ходят тут всякие, пристают, нормальным людям не дают посидеть.

– Ну-ка цыц! – властно гаркнула дамочка, – сама прогнала своего дружка, теперь придется меня терпеть.

Я ужасно удивилась, когда она заговорила про парня в желтой футболке. Она нас видела? Она его знает?

– А вы с ним знакомы? – уже более спокойным тоном спросила я.

– Конечно. Это же лето. И не надо никаких «вы» со мной, деточка, ладно? – она была явно наглее моего предыдущего собеседника.

– Ага, лето, как же. А ты, стало быть, осень? – с насмешкой спросила я.

– Ну, ведь не бабушка твоя! Конечно, осень, кто же еще! – парировала красная юбка.

Я тяжело вздохнула.

– Ты со мной надолго?

Она шмыгнула носом, приподняла голову и посмотрела вверх. Я запрокинула голову. Все небо затянуло.

– Ау, я тебя спрашиваю. Ты здесь надолго? – повторила я свой вопрос.

Она посмотрела на меня так, словно и не слышала моего вопроса.

– Яблоко хочешь? – спросила она. Я молча смотрела на нее.

– Не хочешь, скажи «нет». Не надо на меня так смотреть, дырку просверлишь, – тут она раскрыла свою клетчатую сумку, и я увидела, что она доверху наполнена красными яблоками. Она достала одно, подышала на него, протерла краем своей юбки, и откусила кусок.

– Сладкое? – спросила я.

– Вроде. На, – она достала еще одно и протянула мне.

Я повторила ее манипуляции с протиранием яблока и тоже откусила кусок. Сладкое. Сок потек по моей правой руке.

Пошел дождь, но над нашей скамейкой была крыша остановки, поэтому мы не мокли. Мы ели яблоки и смотрели, как капли падали на землю.

– Дак ты надолго остаешься со мной? – снова спросила я.

Она задумалась на секунду, потом метко бросила огрызок яблока в урну.

– Пожалуй, навсегда, – грустно протянула она.

А дождь все шел и шел. На только что образовавшихся лужах стали появляться пузырьки. Темнело. Кончалось лето.

Где же ты, парень в желтой футболке?